

Андрей Вознесенский: "Успеть бы свой выполнить жребий"

Так, давно, 26 января 1989 года, строкой из стихов Андрея Вознесенского я назвал интервью с ним, опубликованное в "Вечерней Одессе". Думаю, не только для меня, для всех, кто в 60-е воспринимал стихи А. Вознесенского как глоток чистого воздуха, смерть поэта стала личной утратой. Взял в руки самый первый томик его стихов "Мозаика" с автографом поэта:

*"Очень сердечно.
Евгению Михайловичу Голубовскому
от автора
через тысячу лет
Одесса 1989
Андрей Вознесенский".*

Да, тогда казалось, что нас от 1960 года, когда вышла "Мозаика", отделяла тысяча лет. Но, кажется, еще одна тысяча лет прошла от того зимнего морозного дня, когда в гостинице "Красная" мы разговаривали, пили вино, Андрей Вознесенский надписывал книгу, — до сегодняшнего дня.

Заведующая отделом искусств библиотеки имени М. Горького Татьяна Васильевна Щурова сразу же в своих папках нашла мне эту страницу из "Вечерки", я перечитал интервью и решил, что есть смысл познакомить с ним сегодняшнего читателя — оно сквозь годы несет живой голос поэта.

А далее текст из газеты — без единой правки.

В нашем городе в филармонии и университете с творческими вечерами по приглашению Объединения театральных студий выступает Андрей Андреевич Вознесенский. Читает стихи — давние и последние, отвечает на записки. И я, готовясь к встрече с поэтом, взял томики его стихов, благо у меня они есть все — от "Мозаики", вышедшей в 1960 году во Владимире тиражом 5000 экземпляров, до "Рва", изданного в 1987 году "Советским писателем" тиражом в 200000 экземпляров.

Перелистывая книги, вспоминая старые, давно знакомые строки, вчитываясь в забытые, я вдруг обнаружил, что А. Вознесенский — поэт диалога. Он не только восклицает, при этом мощным жестом заносит над головой руку (вспомните, как Никита Сергеевич Хрущев кричал ему: "Вы не вождь! Не вождь! Не думайте, что за вами пойдут!"), но и спрашивает, все время задает вопросы.

Так родилась форма этой беседы. Андрей Андреевич согласился ответить на вопросы, которые он сам ставил в своих стихах и поэмах.

— **"Писатели, что в вашем околodge?"**

— Могу отнести этот вопрос и лично к себе. И тогда признаюсь, что я суеверен, не люблю рассказывать о замыслах, планах. Разве о том лишь, что уже сделано. Это, прежде всего, новая книга стихов с моими же рисунками "Черный ящик". Для меня это определение — символ поэзии, души, жизни. Но много времени, сил отнимает и то, что я назвал бы "стихами в жизни". К примеру, 31 января во Дворце молодежи я веду вечер поэтов новой волны. Считаю, что нужно им помочь пробиться, так как среди них есть люди, безусловно талантливые. Но пробиться им трудно. И дело сейчас уже не в цензуре. Это нас резала цензура, а они оттираются от издательств десятью тысячами профессиональных писателей, членов нашего творческого союза. Как молодым (да и не молодым) начинающим преодолеть это сопротивление... Возможно, если бы и у нас платили литератору не тогда, когда выходит книга, а когда она раскуплена, положение было бы проще...

Как видите, от себя я перешел к общим писательским проблемам. Что я могу сказать о литературной ситуации в стране? Писатели должны заниматься своим делом — писать. А ведь сегодня читателя больше интере-

сует не книга одного из этих 10000, а книга А. Платонова, М. Булгакова, Б. Пастернака... Это создает новую ситуацию, когда писатель должен выступать в одном и том же номере журнала с классиками. И мне кажется, что писатели сегодня больше читают, чем пишут. Но убежден — будет скачок. Через год или два, но будет. Литература молодых, а может, не только молодых, станет серьезней, глубже.

В стихотворении "Стенограмма недавних лет", из которого вы взяли эту строку-вопрос, был и мой ответ:

Писатели, что в вашем околке?

Писатели: грызем друг другу глотки.

К сожалению, это происходит и сегодня. И только что на встрече с руководителями партии и государства все говорили, что нужна консолидация, а вслед за тем — письмо в "Правду". Старый способ выяснения правоты в творческих спорах. Нет, нужно писать не письма, а стихи и прозу.

— **"Кто мы, фишки или великие?" — так ставили вы вопрос уже в самой первой своей книге.**

— Этот вопрос обращен к любому человеку. В нашей державе столько лет процветало холуйство, нас так долго убеждали, что незаменимых нет, что все мы фишки, винтики, гаечки... И думаю, не только Сталин виноват, но и молчаливое большинство. Нам необходимо поверить в себя, не быть инертными.

Мы как-то уже привыкли к мысли, что у нас все, кроме запасов недр, второсортное. Эта мысль мешает творчеству. И художник, и слесарь — каждый в своем деле — должны хотеть быть гениями. Тогда мы все станем великими, всей державой.

— **"Который век? Которой эры?" — спрашивали вы, переключаясь с пастернаковским: "Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?"**

— А сейчас бы мне хотелось всерьез сказать несколько слов про наш XX век. Он вот-вот кончится, а какие-то полуграмотные люди еще не могут его "признать". В искусстве это век Хлебникова и кинематографа, это век, давший русский авангард. И пора уже понять, что К. Малевич и В. Кандинский — это не "новации", а классика XX века, это не эксперимент и поиск, а находки, повторяю — уже ставшие классикой.

Конечно же, наш XX век был и веком чудовищным. Таких преступлений, как те, что совершил Сталин против своего же народа, не знала история. И это одна из составляющих нашего века. Пора подвести его итоги. XX век родился в XIX. И в наше время уже рождается XXI век. Очень важно распознать его, понять, оценить.

— "Где еще в мире так ждут Живаго?" — это вопрос не только поэта, влюбленного в поэзию Б.Л. Пастернака, но и председателя комиссии по его литературному наследию.

— Сейчас, в феврале, в день рождения Б. Пастернака, а ему в этом году исполнилось бы 99 лет, пройдут вечера, затем Пастернаковские чтения, на которые приедут и профессора-русисты из других стран. Это должен быть серьезный разговор о сути его поэтики, о философии творчества.

Что же касается романа "Доктор Живаго", то о том, насколько ждали этой книги, можно сказать языком статистики — прыжком тиража журнала "Новый мир". Знаю, что многие из тех, кто прочел роман сейчас впервые, остались разочарованными. Ждали лобовой политической сенсации. Помнили, что Н. Хрущев и его окружение обвиняли книгу в клевете на народ и антисоветизме. Но ведь в "Докторе Живаго" ничего этого нет. Так что произошло незапланированное разоблачение, мы увидели — как нам лгали.

Я слушал чтение этого романа автором. Еще с тех пор полюбил книгу и считаю ее великим художественным произведением. Сейчас все читают политическую прозу — это естественно. Но пройдет несколько лет, мы все узнаем, надеюсь, и про Сталина, и про Берию, и тогда, я убежден, читатель перечитает "Доктора Живаго" — и откроет его для себя уже навсегда.

— **"Зачем среди ночной поры
Встречаются антимирь?"**

— А вы знаете, очень хорошо, что встречаются. Ведь казалось, что антимирь, к примеру, это наша интеллигенция и наша же эмиграция. А ведь новое мышление позволило нам понять неделимость нашей культуры. И вот с выставками приезжают М. Шемякин и Э. Неизвестный, уже был в СССР и завершил "Бориса Годунова" Ю. Любимов, сейчас в Москве Н. Коржавин, автор антисталинских стихов, написанных еще при Сталине, должен приехать на гастроли М. Барышников. Сейчас в Ленинград должна приехать балерина Н. Макарова. И встречи этих антимирей плодотворны для нашей культуры.

— **"Я думаю, право ли большинство?"**

— Казалось бы, в годы утверждения демократии вопрос так ставить нельзя. Но в искусстве большинство ничего не решает. Вспомните, что одна из главных тем А.С. Пушкина — гений и толпа. Мне возразят — иные социальные условия. А разве в XX веке понимали художников-новаторов, того же Малевича, Мельникова, Платонова?

— **"Как занесло васильковое семя
На Елисейские, на поля?"**

— Это из стихов о Марке Шагале. Но сейчас хотелось бы шире взглянуть на то, что приоткрывают эти строки. Ведь мы не бережливы к своим национальным ценностям. Разве можно было допустить, чтобы уехал Виктор Некрасов, автор "В окопах Сталинграда", чтобы уехал тот же Шагал, навсегда оставшийся верным своему Витебску? Но если положить руку на сердце, разве можем мы сегодня сказать, что, останься Шагал, останься Кандинский, — они не погибли бы в сталинской мясорубке? Увы, не можем. Вот это и занесло васильковое семя. И думаю, мы должны радоваться, что тот же Шагал, Кандинский выжили. Ведь это не просто вершины искусства XX века, это то, чем обогатила Россия весь мир.

— **"Ольга! Ольга! Облик молодой.**

Богоматерь — год 37-й.

Разве позабыть тот стыд и страх?

Кто-нибудь есть в русских городах?"

— Сегодня я отвечаю: есть! Есть люди, не потерявшие стыд и совесть. А историю, положенную в основу стихотворения "Богоматерь-37", мне рассказала Ольга Федоровна Берггольц, которую так избивал на допросах следователь, что у нее, беременной, случился выкидыш. И больше не было детей. А со следователем она еще встретилась. Спустя годы он подошел к ней на одном из

торжественных заседаний и, улыбаясь, спросил: "Не узнаете?". Возможно, он был рад встрече, как же, известная поэтесса. А Ольга Берггольц повернулась и ушла с заседания. Тогда это был ее молчаливый протест. Но мы сегодня не позабыли ни тот стыд, ни тот страх, — и эта память позволяет надеяться.

— **"Все марты поменялись на июли."**

Коровы, что ли, бабуют, Бедуля?"

— Эти стихи написаны давно. Но и тогда белорусский председатель колхоза В. Бедуля был ростком сегодняшнего дня. Да, даже в годы застоя он пытался что-то сделать толковое. А если есть упрямый, упорный человек, ощущающий и свои возможности, и обязанность творить, тогда приходит успех.

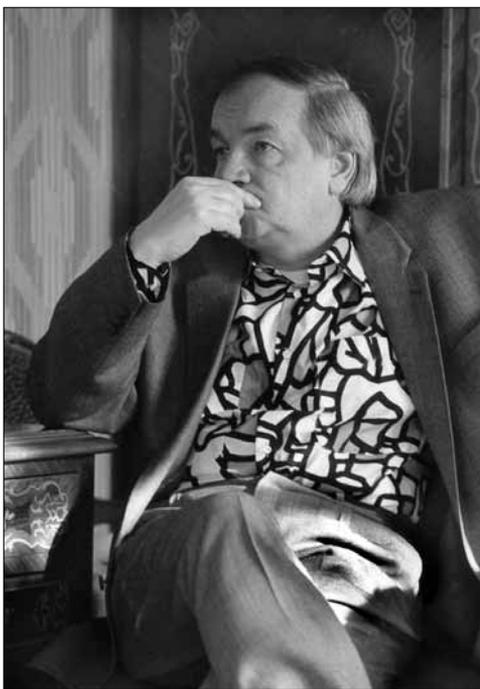
— **"А может быть, все же прямая короче?"** — этим вопросом вы задавались еще в **"Параболической балладе"**. Но и вторую книгу назвали все же не **"Прямая"**, а **"Парабола"**.

— Прямая, конечно, короче. Но как жить по прямой? Посмотрите на историю нашей страны за семьдесят лет. Разве это — путь по прямой? Да и все судьбы людей, про которых мы сегодня говорили, — параболические. Они к нам возвращаются после сложного витка. Но главное — возвращаются. Некоторые — с неба.

— **"Вы — автоответчик Вознесенского?"** — этот вопрос прозвучал в **полушуточном стихотворении 1989 года.**

— Я действительно поставил дома автоответчик, чтобы не чувствовать свою подневольную зависимость от телефона.

Но дело тут и в другом. В слове "автоответчик" я слышу два смысла: ты отвечаешь на вопросы человечества и ты отвечаешь за то, что происходит при

твоей жизни. Это единство — в традиции русской культуры от Достоевского до наших дней.

Конечно, это не все вопросы, которые задавал себе, да и нам в стихах Андрей Вознесенский. И так же, как неисчерпаемы вопросы, — неисчерпаемы ответы.

Последнюю свою книгу "Ров" поэт открыл стихами:

Успеть бы свой выполнить жребий.
Хотя бы десятое спеть,
Забвенное слово "свобода"
по-русски осмыслить успеть.

.....

Не мысля толпе на потребу,
но именно потому
успеть бы свой выполнить жребий,
народу помочь своему.

Это уже не вопросы. Это программа, где слиты и ответственность, и ответы поэта.

Интервью Евгения ГОЛУБОВСКОГО
Фото Сергея КАЛМЫКОВА

